

6. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией / Г.Н. Борзенков // Вестник Московского университета. Сер.11, Право. - 1993. - № 1. - С. 30-31.
7. Комиссаров В.С. Уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией / В.С. Комиссаров // Вестник Московского университета. Сер.11, Право. - 1993. - № 1.- С. 26-30.
8. Волженкин Б.В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005.-560 с.
9. Кирпичников А. Это модное слово «коррупция» // Российская провинция - Набережные Челны. - 1995.- № 5. С.15-20.
10. Рахметов С.М., Борчашвили И.Ш. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией: Монография. Под общ. ред. генерал-майора финансовой полиции Ибраимова Р.А. - Астана: «Арт Print XXI», 2012. - 364 с.
11. Кемали Е.С. Уголовная политика Республики Казахстан в сфере противодействия коррупции // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК. 2016. № 1. - С. 105-109.

## ВЗАИМООТНОШЕНИЕ КОНВЕНЦИЕЙ УНИДРУА 1995 ГОДА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

*Сулейманлы Сима Азер кызы, доктор философии по праву, докторант Бакинского  
Государственного Университета, г.Баку, Азербайджан*

Одним из актов, сыгравших значительную роль в формировании международно-правовых основ борьбы с незаконным оборотом объектов культурного наследия на универсальном уровне, является Конвенция “О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях”, принятая на Дипломатической конференции 7-24 июня 1995 года в рамках Международного Института по унификации частного права (далее – Конвенция УНИДРУА 1995 г.) [5, т. 2, с. 463-473]. В Конвенции УНИДРУА 1995 г., действующей с 01.07.1998 года, в настоящее время участвует 61 государство, но Конвенция вступила в силу только для 52 из этих государств [6]. Хотя Азербайджанская Республика (АР) присоединилась к Конвенции и приложению к ней Законом № 846-IQ от 24 марта 2000 года [7], Конвенция вступила в силу для АР 01.12.2003 года.

В статье мы попытаемся проанализировать взаимосвязь Конвенции УНИДРУА 1995 г. и законодательства АР, выступающего в качестве правовой основы в борьбе с незаконным оборотом объектов культурного наследия. Отметим, что данный анализ основан на сравнительном анализе характеристик Конвенции УНИДРУА 1995 г. и законодательства АР. В направлении уточнения соотношения в первую очередь необходимо определить место, которое Конвенция УНИДРУА 1995 г. занимает в системе законодательства АР. Главной особенностью Конвенции УНИДРУА 1995 г., которая повлияет на ее место в законодательной системе АР, является то, что она является самоисполнимым международным договором. В юридической литературе отмечается, что в противоположность Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» [5, с.1, с. 813-821] Конвенция УНИДРУА 1995 г., относится к самоисполнимым договорам, положения которых могут применяться без имплементации в национальное законодательство [1, с.140]. Сущность концепции самоисполнимого международного договора заключается в том, что положения таких договоров имеют конкретное содержание и могут быть непосредственно применены в национальной правовой системе без необходимости принятия национальных нормативных правовых актов. Кстати, отметим, что это концепция нашло свое нормативное закрепление в

законодательстве АР. Так, в статье 23.4 Конституционного Закона АР от 2010 г. «О нормативных правовых актах» (далее - Конституционный Закон) [10] и в статье 3.1 Гражданского кодекса АР (далее - ГК) [14] предусмотрено положение о непосредственном применении международного договора. Общим для положений обоих нормативных актов является то, что если для реализации положений международного договора нет необходимости в принятии внутригосударственного нормативного акта, эти положения применяются непосредственно. Целью нормативных актов, которые здесь предполагается принять, является конкретизация содержания норм международного договора. Если в такой конкретизации нет необходимости, то эти положения имеют конкретное содержание, т. е. являются самоисполнимыми. Необходимо обратить внимание на следующие моменты, связанные с указанными нормативными положениями: 1) фраза «требование о его применении... вытекает из международного договора» в статье 3.1 ГК предусматривает, что необходимость принятия национального нормативного акта вытекает из содержания международного договора, что важно учитывать. В этом контексте положение статья 52 Закона АР 2012 г. «О культуре» (далее – Закон о культуре)[11] «возвращение незаконно вывезенных из АР образцов национального культурного наследия» осуществляется на основании международных договоров, стороной которой является АР», следует толковать таким образом в отношении Конвенции УНИДРУА 1995 г.; 2) важна цель принятия национальных нормативных актов. С этой точки зрения необходимо различать нормативные акты, принятые для реализации международного договора в национальной правовой системе. Так, принятый Милли Меджлисом АР закон № 846-IQ от 24 марта 2000 года о присоединении к Конвенции УНИДРУА 1995 года направлен не на конкретизацию положений Конвенции, а на подтверждение ее приверженности в АР. В связи с этим, согласно известной «блэкстоуновой» формуле, сформулированной как «международное право является частью государственного права», статья 148.II Конституции АР [8] сама по себе не предусматривает прямого применения международного договора в рамках национальной юрисдикции [2, с. 30]. В этой статье отмечается, что международные договоры, стороной которых является АР, являются неотъемлемой частью законодательной системы АР. Можно согласиться с тем, что это положение само по себе не предполагает непосредственного применения. Но для этого он создает материальную правовую основу. Не случайно, и в Конституционном законе, и в ГК говорится именно о непосредственном применении «международных договоров, стороной которых является АР». Из вышеизложенного можно сделать такой предварительный вывод, что непосредственное применение Конвенции УНИДРУА 1995 г. в национальной правовой системе АР не происходит вовсе за пределами системы национального законодательства. Конечно, не исключено, что непосредственное применение происходит в различных формах. В международно-правовой литературе выделяют три формы прямого применения норм международного договора: 1) самостоятельное, то есть применение без прямого участия норм национального законодательства; 2) совместное, то есть применение норм международных договоров и «родственных» норм национального законодательства; 3) приоритетное, то есть применение норм международных договоров вместо национального законодательства в коллизионных ситуациях (*contra legem*) [4, с. 145].

В отношении конвенции УНИДРУА 1995 г. можно использовать все три из этих форм применения. Таким образом, поскольку в законодательстве АР о реституции объектов культурного наследия нет конкретной нормы, положения Конвенции в связи с этим должны применяться в правовой системе АР в самостоятельной форме. В случаях ссылки на национальное законодательство в Конвенции УНИДРУА 1995 г. происходит совместное применение норм международного договора и национального законодательства. Например, в соответствии с пунктом 2 статьи 4 Конвенции УНИДРУА 1995 г. положения Конвенции применяются совместно с законодательством государства, в котором выдается запрос. В некоторых случаях применение Конвенции УНИДРУА 1995

г. принимает форму *contra legem*. Например, из положений “об импорте, экспорте и транзите культурных ценностей через территорию АР”, утвержденных постановлением Кабинета министров АР от 29 августа 2014 г. № 294 [13] (б. 4) в отличие от этого, положения Конвенции УНИДРУА 1995 года, касающиеся реституции или возврата, применяются к любым движимым объектам культурного наследия независимо от включения АР в государственный список национального культурного наследия.

Полагается, что, несмотря на то, что оно может применяться в указанных формах, «согласованное или совместное применение международных и национальных правовых норм в самом широком смысле слова» [3, с. 77] больше подходит для Конвенции УНИДРУА 1995 г. *Прежде всего*, чем важнее международное сотрудничество в борьбе с незаконным международным оборотом объектов культурного наследия, тем важнее, что обязательство в этом отношении лежит прежде всего на государстве (государствах). С этой точки зрения, борьба с незаконным международным оборотом объектов культурного наследия, является предметом совместного регулирования международного и национального права. Для правового обеспечения эффективной борьбы логичнее применять международный договор и национальное законодательство в согласованной форме. *Во-вторых*, согласованное применение не препятствует тому, чтобы Конвенция УНИДРУА 1995 г. ссылаясь на законодательство АР в области культурного наследия. Так, в статьях 1(б), 3.2, 4.2 и 5.2 Конвенции даны ссылки на национальное законодательство. Необходимо обратить внимание на следующие моменты, касающиеся упомянутых ссылок: 1) как правило, эти ссылки делаются на законодательство страны происхождения, то есть страны, которой принадлежит объект культурного наследия, за исключением пункта 2 статьи 4. Эти отсылки могут быть выражены в разных формах («законодательство, регулирующее вывоза объекта культурного наследия (ст. 1(б); 5, б.2)», «право государства, где производились раскопки» (ст. 3, б.2)); 2) в отношении АР указанное законодательство включает, помимо национальных нормативных правовых актов, международные договоры, стороной, которых является АР, в том числе Конвенцию УНИДРУА 1995 года. Как мы уже отмечали, в соответствии со статьей 148.П Конституции АР международные договоры, стороной которых является АР, являются неотъемлемой частью законодательной системы АР. Из существа этого положения следует, что Конституция АР обосновывает применение национального законодательства АР в согласованной форме с Конвенцией УНИДРУА 1995 г. в борьбе с незаконным оборотом объектов культурного наследия. *В-третьих*, применение в согласованной форме позволяет осуществлять выбор правовых норм, определяющих более благоприятный режим между международными договорами и национальным законодательством. В связи с этим Конвенция УНИДРУА 1995 г., для которой характерен диспозитивный признак, позволяет государствам-членам принимать законодательство, предусматривающее более благоприятные правовые нормы, связанные с реституцией или возвращением (статья 9). *В-четвертых*, согласованное применение создает условия для применения других положений международного договора в случае оговорки государства-члена. Конвенция УНИДРУА 1995 г. не имеет однозначной позиции по этому вопросу. Таким образом, как указано в статье 18, Конвенция не допускает никаких оговорок, за исключением случаев, прямо предусмотренных ею. Конвенция в отношении срока исковых требований (ст. 3, б. 5) и выбора порядка подачи иска о реституции (ст. 16), а также для государств с различными правовыми системами, в отношении которых правовая система, в которой могут применяться положения Конвенции (статья 13), позволяет делать оговорки путем заявления. Например, Указом Президента АР от 29 апреля 2003 года [9] было сделано заявление относительно пункта 1 статьи 16 Конвенции УНИДРУА 1995 г. Согласно этой оговорке, просьба о реституции, предусмотренная статьей 8 Конвенции, или просьба о возвращении подается в соответствии с процедурами, предусмотренными в подпунктах б) и с) пункта 1 статьи 16 той же Конвенции в отношении в АР. В соответствии с

указанными пунктами просьба о реституции или просьба о возвращении могут быть сделаны по дипломатическим каналам или через уполномоченные органы.

Применение в согласованной форме предусматривает соответственно решение вопрос о соотношении между Конвенцией УНИДРУА 1995 года и национальными нормативными правовыми актами АР. Поскольку Конвенция УНИДРУА 1995 года является межгосударственным международным договором, то согласно статье 23.2 Конституционного закона это соотношение определяется в соответствии со статьей 151 Конституции. Согласно этой статье, которая называется «юридическая сила международных актов», за исключением Конституции и актов, принятых путем референдума, в случае противоречия между нормативными правовыми актами, включенными в национальную законодательную систему, и Конвенцией УНИДРУА 1995 г. (что не исключается полностью), предпочтение отдается Конвенции. Здесь необходимо обратить внимание на один момент, которое характерно для законодательства АР. Таким образом, в правовой системе АР ввоз и вывоз объектов культурного наследия, как правило, регулируется подзаконными правовыми актами. Например, Правила «Временном вывозе культурных ценностей в связи с проведением выставок, экскурсий, реставрационных работ, презентаций, международных культурных мероприятий» [12] утвержденного постановлением Кабинета Министров АР № 293 от 29 августа 2014 года, и Правила «Ввозе, вывозе и транзите культурных ценностей через территорию АР», утвержденное постановлением Кабинета Министров АР № 294 от 29 августа 2014 года [13]. Несмотря на то, что она несопоставима по юридической силе, определение соотношения Конвенции УНИДРУА 1995 года с упомянутыми нормативными правовыми актами, поскольку они включены в национальную законодательную систему, основано на статье 151 Конституции. Это можно объяснить связью с законами, имеющими более высокую юридическую силу. Так, в системе законодательства АР некоторые положения, касающиеся международного оборота объектов культурного наследия, закреплены в отдельных законах. Например, положение «образцы культурного наследия, незаконно вывезенные из АР, подлежат возврату независимо от страны, места, времени и обстоятельств вывоза», содержащееся в статье 52.3 Закона «О культуре», в определенном смысле, особенно в отношении на момент вывоза 1995 г. - противоречит положениям пункта 3 статьи 3 и пункта 5 статьи 5 Конвенции УНИДРУА 1995 г..

Таким образом, взаимоотношение законодательства АР с Конвенцией УНИДРУА 1995 г., являющейся универсальным правовым источником в борьбе с незаконным оборотом объектов культурного наследия, обуславливает их применения в согласованной форме. Надлежащее согласование основано на следующих принципах: 1) признание приоритета общепризнанных принципов и норм международного права; 2) не нарушение публичного порядка (*ordre public*) АР. Следует учитывать, что Конституция и акты, принятые на референдуме, определяют публичный порядок АР (*ordre public*).

#### Список литературы:

1. Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. – М: Норма: ИНФРА-М, 2015. - 416 с.
2. Гусейнов, Л.Г. Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // *Beynəlxalq hüquq jurnalı*, 1998, № 1, - с.16-46.
3. Канашевский, В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. – М: Международные отношения, 2004. - 272 с.
4. Международное право /от. ред. Г.И.Игнатенко и О.И.Тиунов. 2-е изд., перераб. и доп. – М: НОРМА, 2002. – 592 с.
5. Сборник международных документов. I том. - Баку: Канун, 2008, - 960 с.; II том. – Баку: Канун, 2008, - 904 с. (на азерб. языке)
6. <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention/status/>
7. <http://www.e-qanun.az/framework/741>

8. <https://www.e-qanun.az/framework/897>
9. <http://www.e-qanun.az/framework/2161>
10. <http://www.e-qanun.az/framework/21300>
11. <http://www.e-qanun.az/framework/25303>
12. <https://e-qanun.az/framework/28339>
13. <https://e-qanun.az/framework/28340>
14. <http://e-qanun.az/framework/46944>

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ, КАК НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

*Тайжанова Е.Е., магистр права, преподаватель, Alikhan Bokeikhan University,  
г. Семей*

В век цифровизации и коммуникации трудно найти человека, который не имел бы страницу в социальной сети, смартфон или банковский счет. Отсутствие одного обязательно восполняется другим. Человечество встало на порог новой эпохи – эпохи глобального информационного общества, которая открывает новейшие возможности для каждого.

Республика Казахстан также принимает активное участие в мировом сотрудничестве по развитию экономики. Распространение интернета и цифровых технологий помогает в создании новых каналов взаимодействия. Цифровые технологии играют важнейшую роль в процессе глобализации. С помощью цифровых технологий создаются сервисы, способствующие развитию экономики. Социальные сети и различные интернет – платформы, выступают в качестве площадок для обмена информацией, а также в качестве площадки для размещения рекламы.

Процесс цифровизации судопроизводства Казахстана, вне зависимости от отраслевого назначения, в последние годы все больше и больше активизируется.

В своем послании от 1 сентября 2020 г., Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, сказал: «Цифровизация – это не следование модной тенденции, а ключевой инструмент достижения национальной конкурентоспособности. Прежде всего, предстоит устранить цифровое неравенство, обеспечить максимальный доступ к интернету и качественной связи всех граждан. Сегодня это такая же базовая потребность, как дороги и электричество». Также Президент отметил, «Мы видим, с какими проблемами сталкиваются люди при назначении пенсий и пособий. Ворох бумаг, хождение по мукам. Необходимо полностью оцифровать эти процессы. «Бегать» должны «данные», а не люди» [1]. Конечно в данном послании Президент обратил внимание на другую проблему, но не стоит исключать того что правоохранительная и судебная системы играют в этом ключевую роль. Реформы в данных структурах абсолютно необходимы.

Одной из комплексных задач Казахстана было культивировать новые индустрии, которые создаются с применением цифровых технологий, развитие перспективных отраслей, таких как онлайн торговля, мобильный банкинг, цифровые сервисы, в здравоохранении, образовании и другие отрасли. Сейчас спустя годы, можно с уверенностью заявить, что данная задача успешно реализуется. Так, например, каждый второй гражданин Республики Казахстан использует мобильный банкинг, а онлайн – торговля стала популярнее похода по обычным магазинам. И таких примеров цифровизации довольно много.

Изменения являются отражением реальности в которой мы живем. В нашем нестабильно изменчивом мире переход к «цифровизации» в большей мере является